

РЫБНЫЙ МАГАЗИН

ciaccona cantabile

Эмиграция это как смерть. Неважно, какой ты была в прошлой жизни, сколько тебе было лет и каких вершин ты достигла: все начинается сначала. Потом можно взять билет обратно, включить интернет или русское кино, – но тебя, прежней, уже не будет. Ты готова умереть завтра?

Эмиграция обдирает с людей все лишнее, они остаются такие, как есть. Или какими сами себя сделали. Время расходится как трещина, с годами мне все труднее понимать тех, кто остался. Я знаю вкус свободы так, как вы знаете вкус комфорта. Или признания. Или долга. Или это вкус вины? Того, что делает вас неподвижными. Способность начинать все сначала – мое главное достижение. Мы пришли в этот мир чтобы радоваться.

Когда-то, в прошлой жизни, я была в гостях у сумасшедшей Лели. Леле было под восемьдесят, она только что получила квартиру в Митино взамен дворницкой конурки на Пятницкой, где прожила всю жизнь.

Леля бегала по квартирке босиком и щебетала: на день рожденья, если доживу, непременно куплю занавески. А если помру, племянники пускай вешают, даже и лучше – все равно им достанется. Она так рассуждала о собственной смерти, будто дождя ждала: пойдет-не пойдет.

Ты была счастлива?

Если я стану писателем, моя первая история будет про Лелю. Как она пришла и сразу попросила телефонную книгу: в рыбный магазин позвонить, чтоб ее кота не выгоняли, – она приедет вечером, заберет. Этого кота как раз была очередь у Лели ночевать: она бездомных котов по одному к себе пускала, сегодня был его день.

Леля родилась семнадцатым ребенком в семье очень плодовитого московского дворника, и семьдесят шесть лет прожила в его комнатке под лестницей. А сестра ее зато стала переводчицей с английского и педагогом, а другая сестра – артисткой. А Леля на почтамте работала. По воскресеньям в церковь ходила, чужие венчания смотреть. Похороны тоже интересно.

Когда я просила ее посидеть с ребенком, она не брала денег, только обед я им оставляла. Однажды она сказала, смущаясь, что познакомилась на бульваре с одной очень приличной дамой, и та спросила, мальчик у нее или девочка.

– А я забыла, – сказала Леля и покраснела. И дама посмотрела на нее как на ненормальную.

А в другой раз, когда она оставалась у моей мамы, Леля уходила и плакала.
– Не могу повторить, что она мне сказала, но я никогда, никогда больше не приду, – говорила она, рыдая.

Мы к ней приехали последний раз году в девяносто шестом, летом.

Помню, как стояли под дверью, – я уже позвонила, – и слышно было, как ребенок бежит, пяточками по полу стучая. Это была Леля, в фартучке и очень веселая.

– Такая квартира, тут даже ванна есть! И окно! Смотри, какое – в полстраны.

А на стене портрет Сталина приклеенный, из газеты, пожелтый весь.